

РАЗДЕЛ 1.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 910.3:338.1

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ КАК МЕХАНИЗМ
УПРАВЛЕНИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ

Балина Т. А., Мельников Е. Р., Николаев Р. С., Столбов В. А., Чекменева Л. Ю.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация
E-mail: seg@psu.ru*

В статье рассматриваются территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в качестве инструмента стратегического планирования и территориального управления. Теоретической основой стало учение о цикличности мирового хозяйства, в рамках которого раскрываются закономерности развития старопромышленных регионов, и концепция полюсов роста. Показаны принципиальные различия условий для трансформации старопромышленных регионов Европы и России; отражены процессы эволюции территорий опережающего развития (ТОР) в ТОСЭР с учетом региональных особенностей их функционирования и формирования инвестиционного климата. Детально данные процессы раскрыты на примере двух моногородов Пермского края. Проведенный анализ экономических и социально-демографических показателей Чусовского и Нытвенского ТОСЭР позволил выявить особенности и проблемы их функционирования.

Ключевые слова: регион, территориальное управление, территория опережающего социально-экономического развития, социоэкономика, моногород, старопромышленный регион, Пермский край.

ВВЕДЕНИЕ

Современное мировое хозяйство характеризуется переходом к постиндустриальному этапу развития, который согласно законам экономической истории, должен быть нацелен на гуманизацию экономики, повышение роли человека не только как главной производительной силы, участника производственных процессов, но и как основной ценности государства. С другой стороны, бурные процессы, сотрясающие мировую экономику в последние годы, обострили проблемы интеграции России в мировое экономическое пространство. Пандемия и ее последствия, усиление конкуренции, усложнение международных экономических отношений, беспрецедентное политическое давление актуализировали необходимость формирования новой стратегии развития России. Во главу угла ставится устойчивая социально-ориентированная экономика (социоэкономика), нацеленная на совершенствование пространственной организации производства, углубление территориального разделения труда и кооперацию между регионами (субъектами) страны, самообеспечение и межрегиональную интеграцию. При переходе к шестому технологическому укладу требуется реновация старопромышленных районов, диверсификация моногородов, переориентация

региональной экономики на социэкономику. Важным механизмом территориального управления могут выступать ТОСЭР.

Объект исследования — ТОСЭР — представляет собой конкретное пространственное образование, в рамках которого формируется эффективная социээкономика, нацеленная на развитие и функционирования как отраслей-флагманов, так и обеспечивающих, сопутствующих и дополняющих видов деятельности, в том числе социальных. Преобразование ТОР в ТОСЭР свидетельствует не только об экономических приоритетах их функционирования, но и об усилении их социальной направленности, участии в решении задач создания комфортной среды, повышения уровня и качества жизни населения.

Цель исследования — на основе теоретико-методологических аспектов функционирования территорий с особым экономическим статусом при переходе к постиндустриальному обществу в условиях устойчивости, самодостаточности и самообеспеченности российской экономики выявить особенности формирования ТОСЭР в субъектах России и Пермского края. В рамках исследования реализован методический подход «игра масштабами», позволивший рассмотреть мировые тенденции развития старопромышленных регионов и смену приоритетов их развития, обратиться к примеру Пермского края, где в двух моногородах созданы ТОСЭР.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Географический анализ формирования ТОР и ТОСЭР опирается на два теоретических подхода. Первый базируется на теории цикличности развития, изложенной в работах Н. Д. Кондратьева [1], И. Шумпетера [2] и др. Эти идеи получили свое развитие в работах современных российских ученых, например, В. Л. Бабурина [3], С. Ю. Глазьева [4], А. Г. Гранберга [5] и др.

В рамках теории больших волн (циклов конъюнктуры) представляется особенно актуальным и весьма логичным анализировать социально-экономическую ситуацию в старопромышленных регионах России. Они переживают спад в развитии традиционных отраслей промышленности, закрытие градообразующих профильных производств, экономическую и социальную деградацию, отток человеческого капитала. К таковым относятся многие уральские территории, находящиеся на «понижательной» волне. Вступление в фазу депрессии в контексте теории циклического развития выглядит неизбежным, но очень важно найти способы выхода из нее, предложить новые действенные механизмы регионального территориального управления. Урал и Пермский край имеют черты сходства со старопромышленными регионами европейских стран, которые этот кризис пережили во второй половине XX века. Необходимо понимать, что их опыт весьма важен для выбора сценариев социально-экономического развития наших субъектов, что позволит избежать многих ошибок и творчески использовать положительные наработки. С другой стороны, велика опасность упрощенного копирования европейского опыта без учета специфики наших территорий. В данном контексте важен комплексный географический анализ, который позволяет оценить качество природно-ресурсного потенциала, определить выгодность транспортно-географического положения,

степень освоенности и заселенности территории, наличие инновационной инфраструктуры и другие факторы. При переходе на новую волну экономического развития необходимо также принимать во внимание наличие в регионе трудового и интеллектуального потенциала, особенности традиций и менталитета населения, его трудовых навыков, способности генерировать и воспринимать инновации, другие аспекты проявления человеческого капитала.

Второй подход основан на уже ставшей классической теории поляризованного развития Ф. Перру [6], которая предполагает выявление территорий (полюсов роста) с высоким потенциалом развития и наличием (или созданием) благоприятных условий для размещения пропульсивных предприятий. Поскольку территориальный потенциал может состоять из множества элементов (ресурсный, экономический, социальный, трудовой, научный, инновационный и т.д.), то при переходе к постиндустриальному обществу необходимо потенциально рассматривать не только возможности реорганизации старопромышленных регионов, их перепрофилирование на новые виды промышленного производства, но и другие виды хозяйственной деятельности, в частности, сферы услуг.

Как отмечает Ф. А. Кожиева, «в условиях ограниченности ресурсов для экономики депрессивных регионов большое значение приобретает формирование региональной политики на основе концепции полюсов роста. Применение теории полюсов роста в стратегии развития региона предполагает направление денежных средств в определенные районы, которые в будущем могут стать полюсами роста и распространить свои полюсные эффекты на остальную территорию, что в итоге приведет к росту экономики всего региона» [7, с. 574].

С этих позиций как нельзя актуальнее звучит новая парадигма формирования региональной и муниципальной социоэкономики. Социоэкономика реализуется на разных территориальных уровнях, она функционирует как планетарное социально-экономическое пространство (мировая экономика) глобального уровня, проецируясь на территорию стран, регионов, субъектов, муниципалитетов, городов, сел и т.д. В условиях глобализации не стихают, а наоборот возрастают и новыми гранями играют процессы дифференциации — регионализации и самоорганизации [8]. Интегрирующим базисом развития региональной социоэкономики является ее целевая направленность на обеспечение возрастающих потребностей населения, повышение уровня и качества жизни.

В этом целеполагании вопросы территориальной самоорганизации населения играют ведущую роль. Самоорганизация служит источником пробуждения инициативы людей, поиска новых идей и методов, средств и способов деятельности, выступает механизмом генерирования и апробации новых социальных технологий, формирует основу гражданского общества [9, 10]. Применение данного подхода показывает, что наряду с механизмами трансформации региональной социоэкономики «сверху» (посредством государственной политики) необходимо проводить ее «снизу», используя творческую инициативу жителей, актуализируя человеческий потенциал.

Социально-экономическая география, обладающая достаточно богатым набором доказавших свою эффективность парадигм, способна создавать свои объекты

(социумы, поселения, регионы и пр.), с заранее запрограммированными свойствами [11, с.12]. География, как конструктивная наука, может адекватно реагировать на запросы общества, участвовать в обосновании региональной политики по развитию социэкономике, создании территорий с особым экономическим статусом.

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной науке сложилась стройная система теорий и понятий, служащих своего рода фундаментом для формирования ТОР и ТОСЭР как механизма территориального планирования и управления.

ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН ПО РЕНОВАЦИИ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ

В данной работе теоретико-методологической основой изучения ТОСЭР является учение о цикличности развития мировой экономики. Большие циклы экономической конъюнктуры объясняют «взлеты» и «падения» в развитии старопромышленных регионов ряда европейских стран, особенно яркими примерами действия этих процессов являются Великобритания, Франция и Германия. Еще в эпоху промышленных революций XVIII–XIX веков здесь зародились новейшие по тем временам производства, а спустя два десятилетия они уже являлись лидерами по уровню развития угледобычи, основной химии, черной металлургии и тяжелого машиностроения. В XX веке эти регионы, переживая смену промышленной специализации, оказались в списке деградирующих и проблемных. Мир столкнулся со структурным энергетическим кризисом: уголь утратил роль ведущего источника энергии, серьезную конкуренцию ему составили нефть, газ, атомная энергетика. Угледобывающие европейские регионы превратились в источник экономической, социальной и политической нестабильности. Поскольку шахтерское сообщество имело высокий уровень самоорганизации, то оно оказывало большое влияние на выбор сценариев региональной политики, а реструктуризация угольной промышленности осуществлялась при активном участии государства. В числе первых стран, saniрующих угольную промышленность, были Нидерланды и Бельгия.

В Германии наметили основные пути повышения эффективности работы не только в угольной промышленности, но и во всех базовых отраслях в так называемом законе «Об угле», принятом в 1968 г. Несмотря на низкую рентабельность собственной добычи, государственное субсидирование угольной отрасли осуществлялось вплоть до 2018 г. Как английский, так и немецкий уголь оказался дороже импортного, поэтому разница компенсировалась из специального фонда [12, с. 74]. Также были предприняты серьезные меры социального характера, направленные на решение проблем безработицы, профессиональную переориентацию высвобождающихся трудовых ресурсов, снижение уровня социальной напряженности.

В результате угольного кризиса в Европе к началу 1970-х гг. многие регионы, например, Ливерпуль и Манчестер в Великобритании, Эльзас, Лотарингия и департамент Арденны во Франции, Северный Рейн-Вестфалия в Германии, стали депрессивными и дотационными. Назревшая необходимость реконструкции

старопромышленных регионов усилилась тенденция перехода к постиндустриальному этапу развития.

Одной из первых европейских стран, начавшей политику «подготовки» свертывания и реновации старых отраслей, была Франция. Еще в 1950-е гг. здесь запустили масштабное промышленное строительство, организовав 160 бизнес-инкубаторов, что свидетельствовало о переходе на качественно новый уровень развития национальной экономики.

На этом этапе параллельно с реструктуризацией старопромышленных территорий началась их реиндустриализация. Так, в Германии произошла переориентация с прямых финансовых и административных мер поддержки промышленного производства на косвенные: создание условий для привлечения частных компаний, инновационного развития, обновления технологий. В это время формировалась региональная образовательная и научно-исследовательская инфраструктура. Например, начиная с 1980-х гг. земля Северный Рейн-Вестфалия, объединив усилия бизнеса, власти и образования, реализует концепцию «обучающего региона» [13].

В это время власти ФРГ в рамках экологической политики начали внедрять принцип «загрязнитель платит», что вынудило крупные предприятия, в первую очередь металлургические и химические, инвестировать в разработку экологически чистых производств, вторичного использования ресурсов, переработку и утилизацию отходов. Инновационные процессы затронули старые отрасли, появились высокотехнологичные предприятия по разработке и производству новых материалов, что привело к развитию системы бизнес-услуг, разработки программного обеспечения и транспортного обслуживания. Так, к концу 1980-х гг. Рур сосредоточил более 20% мощностей разработки и внедрения экологических технологий ФРГ, а земля Северный Рейн-Вестфалия превратилась в территориальную систему научных центров в рамках единой сети трансферта технологий. На волне перемен и реновации власти обратились к вопросам формирования имиджа Рура. Здесь начали развивать туризм, превращая промышленные площадки в развлекательные центры [12].

Важно подчеркнуть, что регионы, в которых традиционно развивалась тяжелая промышленность, например, металлургический регион «Саар-Лотарингия-Люксембург», с 1970-х гг. стали флагманами неоиндустриализации, при этом базисные отрасли остались ядром их инновационного развития. Одновременно с модернизацией металлургического производства шло становление новых (автомобильная) и новейших (электронная, авиакосмическая, альтернативная энергетика) отраслей промышленности, а также современного сектора услуг. В Сааре и Лотарингии был взят курс на дальнейшее развитие промышленного производства, ведущей системообразующей отраслью здесь стало автомобилестроение, которое лидирует по численности занятых и по доле в ВРП. В Люксембурге сфокусировались на создании постиндустриальной экономики с формированием мощного сектора финансовых услуг.

Ковалев Ю. Ю. с коллегами отмечают, что на современном этапе неоиндустриализации в Сааре выделяются три кластера в формате «новой

экономики»: информационные технологии и консалтинг, нано- и биотехнологии и экономика знаний. В Люксембурге образовались кластеры космических технологий, эко- и биотехнологий. В Лотарингии еще в 1970-х гг. появился первый технологический кластер — технополис Нанси-Брабуа со специализацией в информационных и телекоммуникационных технологиях, биотехнологиях, экологии и архитектуре. В результате процессов нео- и постиндустриализации еврорегион «Саар-Лор-Люкс» смог преодолеть кризисные явления и трансформироваться в благополучный регион с обновленной структурой промышленного производства, занятости и инновационной экономики [14].

Иной политики придерживалась Великобритания. Ее важным направлением стала «физическая» регенерация старопромышленных территорий, когда около половины промышленных зон были перестроены в жилые и офисные помещения. В 1970-х гг. здесь перешли к совершенствованию депрессивных территорий, начиная с модернизации транспортной инфраструктуры за счет Правительства страны (например, модернизации аэропорта в Манчестере).

Процесс реструктуризации экономики Манчестера включал несколько этапов. Желаемого импульса для развития базовых отраслей региона модернизация инфраструктуры на первом этапе не дала, так как на них продолжали оказывать влияние другие негативные факторы. Однако данная мера позволила инвесторам использовать пустующие промышленные площадки и нехватку рабочих мест для развития альтернативных отраслей промышленности, в частности креативной индустрии [15, с. 10]. Не все попытки властей увенчались успехом, но перенос «центра тяжести» усилий по реструктуризации экономики региона на маркетинговый аспект его развития, включая продвижение нового имиджа региона, привел к положительным результатам. Манчестер смог стабилизировать экономическую и демографическую ситуацию, стать креативным, культурным и спортивным центром страны.

Отличительным направлением реорганизации старопромышленных районов Великобритании стало развитие культурной среды посредством создания креативной индустрии (музыкальных площадок и др.), открытия центров досуга и отдыха.

Таким образом, европейские старопромышленные районы, пережив наложение циклов развития, превратились в инновационные центры с высокой концентрацией современных технологий, различных бизнес-инкубаторов, технопарков, а также в культурно-досуговые районы с привлекательным имиджем, хорошей посещаемостью и окупаемостью. Имея высокую степень освоенности и плотную систему расселения с крупными агломерациями, эти регионы продемонстрировали возможности практического применения теории полюсов роста. Еще в преддверии назревающего кризиса здесь начали внедрять новые виды деятельности, которые действовали наряду с традиционными, создавая многоукладность. Выходу из кризиса способствовали также тесная международная кооперация и адресная государственная политика по стимулированию новейших видов деятельности. По своей сути эти регионы можно назвать территориями опережающего развития, воплотившими идеи формирования социоэкономики.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОСЭР В РОССИИ

Территории с особым экономическим статусом могут рассматриваться в качестве инварианта полюсов роста, «ядер конденсации» объектов региональной социэкономике, механизма запуска процессов диффузии инноваций и общественной самоорганизации. Стратегия создания ТОСЭР приводит к формированию полюсов роста, стимулирующих как распространение инноваций в отсталые отрасли и сектора экономики региона, так и в переносе их на периферийные территории.

При этом необходимо понимать, что, несмотря на ограниченное число стратегий, при стандартном наборе доступных инструментов и идентичных внешних и внутренних проблемах не существует универсальной стратегии, позволяющей гарантированно решить проблемы старопромышленных регионов [15, с. 12].

В России постсоветского периода были опробованы различные механизмы стимулирования регионального развития: особые экономические зоны, свободные порты, индустриальные промышленные парки, технопарки, технополисы и иннополисы, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития и др.

В нашей стране ТОСЭР имеют различную правовую основу. Первые ТОР, созданные на Дальнем Востоке, имеют собственные критерии, отличающие их от других регионов. Из 113 ТОСЭР (по состоянию на 15.03.2021) в России, 89 расположены в моногородах, в том числе 5 ЗАТО, являющиеся одновременно моногородами [16]. Для создания ТОСЭР в моногороде необходим дополнительный перечень данных, который оговаривается в Постановлении РФ № 614 [17]. Этот пакет документов был востребован и при создании ТОСЭР в Пермском крае.

Существующие в России ТОСЭР не имеют единой законодательно-нормативной базы, они имеют значительные отличия по трем аспектам: во-первых, их деятельность и полномочия зависят от времени создания (до и после 2015 г.), во-вторых, велики различия в их функционировании в зависимости от местоположения (Дальний Восток и другие регионы страны), в-третьих, особыми привилегиями при создании территории с особым статусом обладают моногорода, на долю которых приходится почти 80% от существующих ныне ТОЭСР. Все это дает основания говорить о значительных территориальных различиях в создании и функционировании ТОСЭР в нашей стране. В условиях отсутствия единой «системы координат» в управлении данными территориями очень важен географический анализ их развития.

Изучение опыта трансформации старопромышленных регионов европейских стран свидетельствует о том, что территории с особым экономическим статусом становятся механизмом привлечения инвестиций, развития инновационных производств, формирования новых региональных кластеров. В российских реалиях эти сценарии трудно реализовать, поскольку ТОР и ТОСЭР выполняют первостепенные задачи по «выживанию» моногородов. Предполагалось, что ТОСЭР будут аккумулировать деньги и генерировать новые отрасли экономики, но для этого

необходимо наличие научных и образовательных учреждений. А в большинстве ТОСЭР речь идет об условиях для любых видов деятельности, чтобы предотвратить рост социальной напряженности и отток трудоспособного населения. Как показал анализ, большинство ТОСЭР создано в старопромышленных регионах (рис.1), но они не стали полюсами роста, поскольку не могут вкладывать в научно-исследовательскую инфраструктуру, выступающую драйвером инновационного развития.

Отсутствие тесной связи между территориями с особым экономическим статусом и притоком инвестиций [16] доказывает неэффективность ТОСЭР как инструмента выстраивания инновационной экономики. Очевидно, что подход к управлению старопромышленными регионами необходимо изменить.

Рис. 1. Размещение ТОР и ТОСЭР в регионах России.

Составлено по [18, 19].

Утверждать об однозначно положительном или отрицательном эффекте сегодня пока преждевременно, можно только зафиксировать промежуточный результат в целях корректировки региональной политики. Например, на Дальнем Востоке, где этот механизм закрепился на 70 лет, уже речь идет о закрытии нескольких ТОР. В Пермском крае (как и в других старопромышленных регионах) этот инструмент нацелен на сохранение моногородов, в которых в качестве пропульсивных не

предполагаются инновационные производства, созданные на основе интеграции университетов и научных организаций с компаниями реального сектора экономики.

Таким образом, для России характерно отсутствие внятной национальной модели инновационного развития, неорганизованность трансфера технологий, «бегство» за налоговыми льготами. Существующие ТОСЭР сегодня не участвуют в территориальном разделении труда региона, а тем более страны и мира, что обоснованно ожидалось от «опережающей» территории. Недостаточное внимание уделяется развитию человеческого капитала, обучению населения предпринимательству, что особо востребовано в точках роста в моногородах. Существует острая потребность в уникальных проектах развития старопромышленных территорий с использованием зарубежного опыта. ТОСЭР как механизм управления регионом может стать катализатором его развития, «полусом роста», способствующий развитию прилегающих районов.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТОСЭР В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Пермский край сегодня — это старопромышленный регион, занимающий собственную «нишу» в экономическом пространстве страны с такими отраслями, как электроэнергетика, цветная металлургия, нефте- и газопереработка, производство минеральных удобрений и разнообразной продукции основной химии. Закрывание угледобычи и кризис машиностроительного, металлургического, лесопромышленного комплексов крайне негативно сказались социально-экономическом развитии региона в целом, на состоянии его моногородов. Край во многом теряет экономические и транспортные конкурентные преимущества, но пока сохраняет социальный, трудовой и интеллектуальный потенциал. Поэтому в целях устойчивого социально-экономического развития необходимо переориентировать экономику Прикамья на инновационную деятельность [20, 21].

Чусовой и Нытва — это типичные уральские моногорода с металлургическим производством, которые вошли в период стагнации еще в начале 1990-х годов. Создание ТОСЭР в Чусовском (2017 г.) и Нытвенском (2019 г.) округах было нацелено на формирование «полюса роста», решение проблемы занятости населения, создание условий для новых видов деятельности, чтобы предотвратить рост социальной напряженности и отток трудоспособного населения [16]. Поскольку создание ТОСЭР предполагает формирование социэкономике на локальном уровне, то диагностика современной ситуации в округах проводилась на основе анализа экономических и социальных показателей.

Для Чусового максимальный объем инвестиций в основной капитал пришелся на 2014–2015 годы (рис. 2а), когда осуществлялся демонтаж старого оборудования, начиналась реализация проекта по реконструкции и строительству трубо-сталеплавильного комплекса. В связи с отказом от данного проекта объем инвестиций сократился. После получения статуса ТОСЭР объем инвестиций продолжил снижаться, а его рост наметился только в 2019 году в связи с реализацией ряда инвестиционных проектов (тепличный комплекс, производство композиционных материалов, швейных изделий, паллет и пр.)

Для Нытвы год получения статуса ТОСЭР стал наиболее успешным с точки зрения объемов инвестиций в основной капитал. Быстрая отдача инвестиций связана с наличием потенциальных резидентов, ожидавших запуска данного проекта.

По объему отгруженных товаров, работ и услуг прослеживается аналогичная динамика: удельный вес Нытвенского городского округа заметно вырос после присвоения статуса ТОСЭР (рис. 2б). Для Чусовского городского округа характерен более сдержанный и отсроченный рост, что связано со значительной долей малого предпринимательства в качестве резидентов ТОСЭР, которые отличаются низкой устойчивостью на начальных этапах освоения новых рынков. Рост удельного веса Чусового наметился только спустя два года после присвоения статуса ТОСЭР.

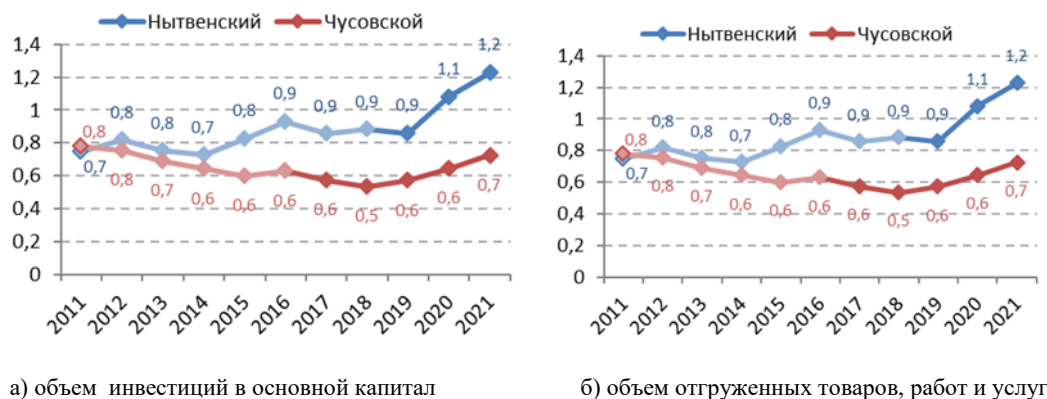

Рис. 2. Динамика удельного веса муниципальных образований Пермского края, %
Составлено по [22].

Горнозаводское Прикамье имеет схожие аспекты развития с Рурским бассейном. Существенное отличие заключается в целостности «полотна» расселения: в Рурском регионе ярко выражена конурбация с мощными самостоятельными центрами, консолидирующими вокруг себя прилегающие территории. Это позволило Германии имплементировать в эти центры «инъекции постиндустриальной экономики» – объекты науки и образования, культуры и искусства, банковского сектора, туризма и информационно-телекоммуникационной деятельности. Горнозаводское Прикамье хоть и имеет признаки конурбации, но рассматривается как часть дальней периферии Пермской агломерации с низкой территориальной и временной доступностью, недостаточной связностью и слабой консолидацией зоны хинтерланда. Время для реструктуризации экономики этой части Прикамья было упущено. Последние шахты Кизеловского бассейна были закрыты в 2000 году, а масштабные мероприятия по его санации были предприняты существенно позже, когда негативные процессы подошли к черте необратимости.

Один из наиболее значимых маркеров диагностики социоэкономики для оценки социального благополучия и эффективности функционирования территорий опережающего развития — миграционные процессы (рис. 3). В целом для обоих

городских округов свойственно отрицательное сальдо миграции при сокращение удельного веса в численности выбывшего населения края. Если для Нытвы подобный тренд стал проявляться еще в 2017 году (то есть за два года до введения статуса ТОСЭР), то для Чусового статус ТОСЭР не отразился положительно на миграционных процессах. Они только активизировались: удельный вес городского округа в численности выбывших и прибывших в крае кратковременно вырос. Доля Нытвенского городского округа в миграционном движении жителей Прикамья снизилась более существенно.

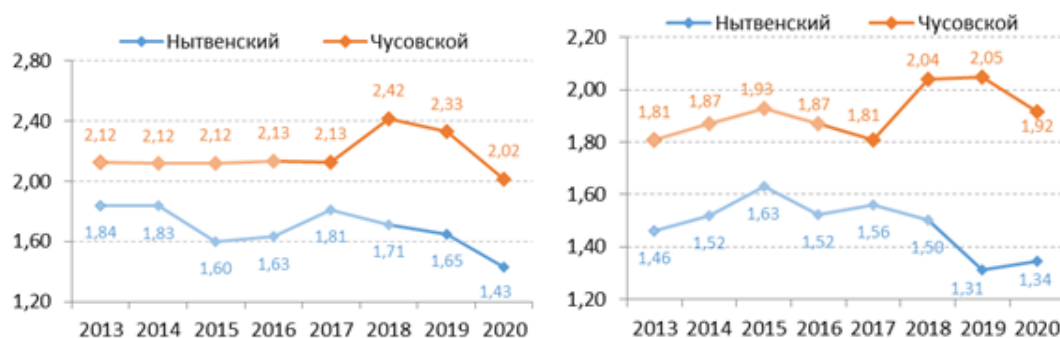

Рис. 3. Удельный вес муниципальных образований в миграционных процессах населения Пермского края, % (слева — в числе выбывших; справа — в числе прибывших).

Составлено по [22].

Таким образом, миграционные процессы в обоих городских округах оказались разнонаправленными и не были существенным образом откалиброваны вводимым статусом ТОСЭР. Это объясняется достаточно инертным поведением населения, низким уровнем самоорганизации населения, утратой человеческого капитала. Эффект от новых экономических условий следует ждать в лучшем случае через несколько лет.

Для выявления проблем функционирования ТОСЭР в Прикамье был использован метод экспертных оценок. Эксперты отметили, что новые механизмы «слабо интегрируются в территориальное разделение труда на уровне страны». Подчеркивались недостатки деятельности краевой администрации, для которой характерно «отсутствие внятной и стабильной региональной политики». Специалисты подчеркивали очень низкий уровень самоорганизации населения, в частности, отсутствие реальной региональной элиты, отстаивающей интересы территории. Этому есть исторические причины: предпринимательство никогда не было статьей доходов для городов-заводов (а Чусовой и Нытва таковыми являются), это не купеческие центры с их торговой «жилкой». Открываемые здесь производства создают небольшое количество мест, профессионально чужды местному сообществу и малопривлекательны для коренного населения. Отсутствие рекламы и пояснений преимуществ ТОСЭР также является тормозом для развития городов, формирования социэкономики. Эксперты считают, что местное население под действием

миграционных процессов значительно утратило трудовой потенциал, стало инертно, снизило уровень профессиональных знаний, потеряло интерес к инновациям. Поэтому решение по созданию ТОСЭР, предпринятое «сверху», не нашло подкрепление «снизу», не получило отклика у местного сообщества с низким уровнем самоорганизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы неоиндустриализации и реновации старопромышленных регионов европейских стран представляют собой эволюционное развитие при мощной поддержке государственных и региональных органов власти. Их примеры позволяют увидеть перспективы развития бывших старопромышленных регионов в совершенно новом ракурсе: промышленное производство тесно переплетается со сферой научных исследований, образования и управления, что позволяет формировать технологические кластеры, а поддержка несвязанных отраслей позволяет развивать сферу услуг, туризм, креативную индустрию.

Создание новых сфер экономики по производству различных товаров и услуг должны порождать цепную реакцию возникновения и роста производственных центров, которые становятся полюсами притяжения инвестиций, инноваций, высококвалифицированных трудовых ресурсов, туристов и т.д.

Необходим «индивидуальный» подход к решению проблем старопромышленных регионов, учитывающий уникальные особенности их природно-ресурсного и экономического потенциала, человеческого капитала, способности населения к самоорганизации.

Инструмент ТОСЭР может быть качественно новым рычагом региональной и муниципальной политики, направленным на удовлетворение человеческих потребностей. Важной целью развития территории должен стать этот главный принцип социэкономике, для которой инновационное развитие является механизмом достижения на основе взаимодействия науки, бизнеса и власти.

Список литературы

1. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды. М.: Экономика, 2002. 765 с.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер; Перевод с нем. В. С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
3. Бабурин В. Л. Устойчивость экономики регионов России к конъюнктурным циклам // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 1. С. 46–52.
4. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
5. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
6. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения (пер. с англ. А. П. Горюнова) // Пространственная экономика. 2007. №2. С. 77–93.
7. Кожиева Ф. А. Региональное развитие в контексте теории полюсов роста // Фундаментальные исследования. 2015. №11 (часть 3). С. 574–578.
8. Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социэкономике. Региональный аспект. Пермь: ПГУ, 2007. 140 с.

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ

9. Шарыгин М. Д., Осоргин К. С. Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 94–104.
10. Сидоркина З. И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабозаселенном регионе. Владивосток: Дальнаука, 2014. 240 с.
11. Столбов В. А., Шарыгин М. Д. Региональный капитал: монография. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. 528 с.
12. Соболев А. О. Зарубежный опыт инновационного развития старопромышленных регионов и возможности его использования в России // Вопросы управления. РАНХиГС. 2015. №1. С. 73–80.
13. Найман Е. А. Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. №1 (9). С. 81–91.
14. Ковалёв Ю. Ю., Соболев А. О., Бурнасов А. С. Индустриализация, неоиндустриализация и постиндустриализм в эволюции старопромышленного региона (на примере еврорегиона «Саар-Лор-Люкс») // Современная Европа. 2020. №1. С. 158–169.
15. Мальцев А. А., Мордвинова А. Э. Реструктуризация старопромышленных регионов Европы: опыт и проблемы // Журнал «Управленец» УрГЭУ. 2016. №3. С. 8–13.
16. Балина Т. А., Мельников Е. Р., Николаев Р. С., Столбов В. А., Чекменева Л. Ю. Статус территории опережающего развития как механизм управления регионом // Тихоокеанская география. 2021. №2 (6). С. 33–42.
17. Постановление Правительства РФ №614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» от 22 июня 2015 г. (с изменениями на 1 марта 2022 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/102390/> (дата обращения: 10.05.2022).
18. Шестопалов А. Г., Борисов Е. И., Сафронов К. К., Каледина Е. С. Перспективы стратегического развития старопромышленных регионов России и Украины // Журнал «Бюджет». 2012. №12.
19. Территории опережающего социально-экономического развития: Справочная информация: АО «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293862. (дата обращения: 10.05.2022).
20. Шарыгин М. Д. Позиционирование Пермского края в социально-экономическом пространстве Российской Федерации // Географический вестник. 2014. №4 (31). С.22–28.
21. Балина Т. А., Чекменева Л. Ю. Конкурентные преимущества Пермского края как фактор инновационного развития экономики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2018. №2. С. 6–14.
22. Муниципальные образования Пермского края. 2021: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2022. 147 с.

ADVANCED DEVELOPMENT TERRITORIES AS A MECHANISM FOR MANAGING THE OLD INDUSTRIAL REGION

Balina T. A., Melnikov E. R., Nikolaev R. S., Stolbov V. A., Chekmeneva L. Yu.

*Perm State National Research University, Perm, Russian Federation
E-mail: seg@psu.ru*

The article deals with the territories of advanced socio-economic development (TASED) as a tool for strategic planning and territorial management. The theoretical basis of the study is world economic cycle theory, which reveals specific character of old industrial areas development, and growth poles concept that implies favorable conditions for the development of territories with a special economic status. The study showed that the old

industrial regions in European economically developed countries, which emerged from the depression by repurposing traditional industries and replacing them with new activities. European old industrial areas, having survived the overlap of development cycles, have turned into innovation centers with a high concentration of modern technologies, various business incubators, technology parks, as well as cultural and leisure areas with an attractive image, good attendance and payback. Having a high degree of development and a dense settlement system with large agglomerations, these regions have clearly demonstrated the advantages of realizing the possibility of practical application of the theory of growth poles. This experience is significant for the Urals and a number of other Russian regions. The article shows the fundamental differences in the conditions for the transformation of old industrial regions in Europe and Russia.

The evolution processes of priority development areas (TAD) into TASED are also reflected, taking into account regional features functioning and the investment climate formation. These processes are described in detail on the example of two old industrial urban areas with monospecialization in the Perm region.

The Perm Territory today is an old industrial region that occupies its own "niche" in the economic space of the country with such industries as electric power, non-ferrous metallurgy, oil and gas processing, production of mineral fertilizers and various products of basic chemistry. The closure of coal mining and the crisis in the machine-building, metallurgical, and timber industries had an extremely negative impact on the socio-economic development of the region as a whole, on the state of its single-industry towns.

An analysis of the economic and socio-demographic situation in cities with TASED status (Chusovoi and Nytva) revealed the features and problems of their functioning. One of the most significant markers of socioeconomic diagnostics for assessing social well-being, efficiency and effectiveness of the functioning of priority development areas is migration processes. The authors substantiated that the renovation of old industrial regions of the local level through TASED requires an individual approach and geographical justification of regional policy in order to preserve human capital and develop the socio-economy. The low rates of development of the territory are explained by the rather inert behavior of the population, the low level of self-organization of the population, and the loss of human capital. The effect of the new economic conditions should be expected at best in a few years.

Keywords: region, territorial administration, territory of advanced social and economic development, socioeconomics, single-industry town, old industrial region, Perm region.

References

1. Kondratiev N. D. Bol'shie cikly konjunktury i teoriya predvideniya: Izbrannye trudy. Moscow: Ekonomika, 2002, 765 p. (in Russian).
2. Shumpeter J. Teoriya jekonomicheskogo razvitiya. Issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cikla konjunktury. Translation from German by N. V. Avtonomova and others. Moscow: Progress, 1982, 455 p. (in Russian).
3. Baburin V. L. Ustojchivost' ehkonomiki regionov Rossii k konjunkturnym ciklam // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya, 2019, no. 1, pp. 46–52. (in Russian).
4. Glazyev S. Yu. Ryvok v budushee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozjajstvennom ukladakh Moscow: Knizhnyi Mir, 2018, 768 p. (in Russian).
5. Granberg A. G. Osnovy regional'noj ekonomiki. Moscow: Higher School of Economics, 2000, 495p. (in Russian).

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ

6. Perru F. Ekonomicheskoe prostranstvo: teoriya i prilozheniya. Translation from English by A. P. Goryunova. Prostranstvennaya ekonomika, 2007, no 2, pp. 77–93. (in Russian).
7. Kozhieva F.A. Regional'noe razvitie v kontekste teorii poljusov rosta // Fundamental'nye issledovaniya, 2015, no 11 (3), pp. 574–578. (in Russian).
8. Animica E. G., Suhii V. A. Prostranstvenno-vremennaya paradigma v socioekonomike. Regional'nyy aspekt. Perm: Perm State University, 2007, 140 p. (in Russian).
9. Sharygin M.D., Osorgin K. S. Territorial framework for local community organization // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki, 2018, no 3, pp. 94–104. (in Russian).
10. Sidorkina Z. I. Territorial'naya organizatsiya i social'naya samoorganizatsiya naseleniya v slabozaselennom regione. Vladivostok: Dal'nauka. 2014. 240 p. (in Russian).
11. Stolbov V. A., Sharygin M. D. Regional'nyy kapital. Perm': Perm'. gos. nats. issled. un-t. 2016. 528 p. (in Russian).
12. Sobolev A. O. Zarubezhnyy opyt innovatsionnogo razvitiya staropromyshlennykh regionov i vozmozhnosti yego ispol'zovaniya v Rossii // Voprosy upravleniya. RANHiGS. 2015. no 1. pp. 73–80. (in Russian).
13. Naiman E. A. Stanovleniye vidimosti “obuchayushchegosya regiona”// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye, 2013, no 1 (9), pp. 81–91. (in Russian).
14. Kovalev Yu. Yu., Sobolev A. O., Burnasov A. S. Industrializatsiya, neoindustrializatsiya i postindustrializm v evolyutsii staropromyshlennogo regiona (na primere yevroregiona «Saar-Lor-Lyuxs») // Sovremennaya Yevropa, 2020, no 1, pp. 158–169. (in Russian).
15. Maltsev A. A., Mordvinova A. E. Restrukturizatsiya staropromyshlennykh regionov Yevropy: opyt i problem // Zhurnal «Upravlenets» UrGEU, 2016, no 3, pp. 8–13. (in Russian).
16. Balina T. A., Melnikov Ye. R., Nikolayev R. S., Stolbov V. A., Chekmeneva L. Yu. Status territorii operezhayushchego razvitiya kak mekhanizm upravleniya regionom // Tikhookeanskaya geografiya, 2021, no 2 (6), pp. 33–42. (in Russian).
17. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 22, 2015 No. 614 «On the features of creating territories of advanced social and economic development in the territories of single-industry municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)» (as amended on March 1, 2022) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://government.ru/docs/all/102390/> (application: 05.10.2022). (in Russian).
18. Shestopalov A. G., Borisov Ye. I., Safronov K. K., Kaledina Ye. S. Perspektivy strategicheskogo razvitiya staropromyshlennykh regionov Rossii i Ukrainy // Zhurnal «Byudzhety», 2012, 12. (in Russian).
19. Territories of advanced socio-economic development: Reference information: JSC «ConsultantPlus» [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293862 (application: 05.10.2022). (in Russian).
20. Sharygin M. D. Pozitsionirovaniye Permskogo kraya v sotsial'no-ekonomicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii // Geograficheskiy vestnik, 2014. no. 4 (31), pp. 22–28. (in Russian).
21. Balina T. A., Chekmeneva L. Yu. Konkurentnyye preimushchestva Permskogo kraya kak faktor innovatsionnogo razvitiya ekonomiki // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya i geokologiya. 2018. no 2. pp. 6–14. (in Russian).
22. Municipalities of the Perm Territory. 2021: Statistical Book / Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Perm Territory (Permstat). Perm, 2022. 147 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.06.2022 г.